

стоитъ ему выпустить на мгновеніе подмятаго, чтобы самому быть сейчасъ же зарѣзаннымъ, потому что подмятый озлобленъ, и въ рукѣ его ножъ. И потому, будуть ли они чутки или не чутки, наши богатые классы (которыхъ, какъ мы видѣли уже, Толстой относить къ касть „веселящейся“) не могутъ наслаждаться тѣми благами, которыхъ они похитили (?) у бѣдныхъ... Вся жизнь и всѣ наслажденія ихъ отравлены укорами совѣсти или страхомъ“. „Таково,—заключаетъ Толстой¹⁾, противорѣчіе экономическое.

Хотя многія изъ указанныхъ здѣсь явленій общественной жизни вовсе не имѣютъ экономического характера и представлены Толстымъ крайне тенденціозно и преувеличенно; тѣмъ не менѣе существованія противорѣчій въ человѣческой жизни, конечно, отрицать нельзя, и они обнимаютъ собою даже болѣе широкую область, чѣмъ какую умѣеть указать Толстой. Онъ находить ихъ лишь въ экономической, государственной и международной жизни; но онъ оставилъ безъ вниманія самый корень всѣхъ этихъ противорѣчій — личную, внутреннюю душевную, нравственную жизнь человѣка. Конечно, это сдѣлано намѣренno, а вовсе не по легкомыслю или небрежности, потому что тогда Толстому пришлось бы объяснить эти противорѣчія указаніемъ на ихъ истинную причину, а не формою государственной жизни.

Останавливаясь на явленіяхъ, указанныхъ выше и названныхъ противорѣчіями нашего сознанія и нашей жизни, мы сначала признаемъ необходимымъ разобрать слѣдующіе вопросы: только исключительно въ наше время и только въ формѣ нашей государственной жизни существуютъ эти противорѣчія, или они существовали уже и до насъ? Толстой ли первый замѣтилъ существованіе этихъ противорѣчій въ человѣческой жизни, или они были известны людямъ и раньше его? Существованіемъ ли государства нужно объяснить эти противорѣчія, или они имѣютъ свою особую причину? Наконецъ,—не могутъ ли другими средствами, кроме уничтоженія государства, быть уничтожены или по крайней мѣрѣ слажены указываемыя Толстымъ противорѣчія въ человѣческой жизни?

¹⁾ Тамъ-же.